

РОМАН ЕМЕЛЬЯНОВ

МОТЫЛЁК

Москва

Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е60

Дизайн обложки *Юлии Межовой*
Иллюстрации *Наташи Зима*

Емельянов, Роман Александрович.

Е60 Мотылек : [сборник] / Роман Емельянов. — Москва :
Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026. — 288 с. — (ОДОБ-
РЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-190309-1

Уморительная комедия положений или трагическая история конфликта поколений? Книга о том, стоит ли идти ва-банк или жизнь — не игра? Каждый найдет что-то свое в этой авантюрной трагикомедии.

А несколько удивительных рассказов о прошлом и будущем — бонус-трек этого издания.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-190309-1

© Емельянов Р. А., текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

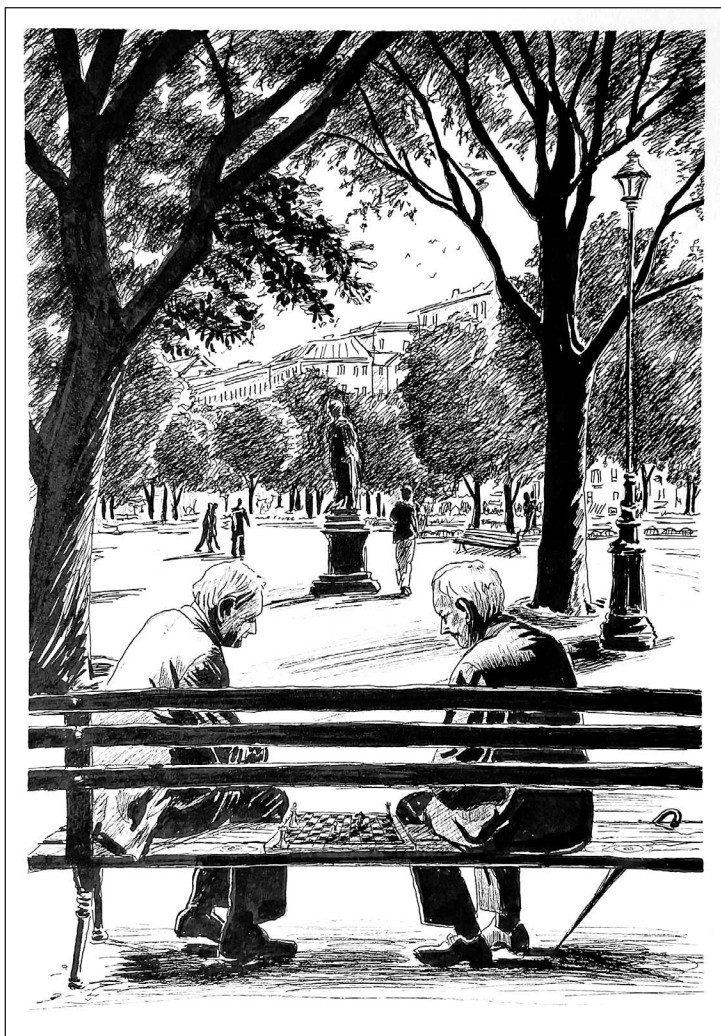
Здравствуй, Дорогой Читатель!

Книги, которую ты держишь в руках, никогда бы не было, если б не люди, которые меня спровοцировали на одну невероятную авантюру под названием «ПЬЕСА». Первым таким мотиватором стал Константин Юрьевич Хабенский. Прочитав мои предыдущие творения, он неожиданно молвил: «Ты должен написать пьесу!» Кто бы из вас посмел перечить Хабенскому? Вот и я не решился! Так вышло, что пьеса была стремительно написана и, более того, Константину Юрьевичу и другим моим строгим цензорам пришлось по душе. В ожидании постановки мне захотелось превратить ее в прозу. Если так выйдет, что вы сперва увидите спектакль, а после прочтете повесть, не удивляйтесь: в них действительно встречаются существенные различия, и это не случайность, а как бы разный взгляд на одну и ту же ситуацию.

Также в этом издании вы найдете несколько экспериментов с короткой прозой. Эти рассказы на первый взгляд никак не связаны единой линией. Действие их протекает в разных временах и даже вселенных. Истории, имевшие место в реальной жизни, переплетены с теми, что еще не произошли. Однако главной и единственно единящей их идеей является исследование человека, мужчин и женщин, погружение их в разные, порой самые невероятные, предлагаемые обстоятельства. При этом я по-прежнему не собираюсь никого ничему учить, выводы вам предстоит сделать самим. А самое главное, я надеюсь, что вы просто получите удовольствие и приятно проведете время с героями этой книги.

Напоследок не могу не высказать благодарности остальным моим цензорам и вдохновителям: Никите Сергеевичу Михалкову, Сергею Каюмовичу Шакурову, Игорю Геннадьевичу Кудряшкину, Игорю Юрьевичу Николаеву, моей любимой жене Юлии и моему самому прекрасному Издателю! Спасибо!

МОТЫЛЕК

Жизнь — игра. Как бы банально это ни звучало, но это и правда так. Те, кто пытается с этим спорить и стремится навязать иную парадигму существования, обречены занять место в зрительном зале и с галерки в бинокль наблюдать, как разыгрываются главные призы. Да, избрав этот путь, ты наверняка не проиграешь. Но и не выиграешь тоже никогда. Поэтому, если хочешь бороться за первые места, претендовать на лакомый кусочек, прими эту простую истину и начинай свою партию, а дальше уже вопрос нюансов, и тут выбор за тобой.

Насколько рискованно ты собираешься играть? Каков стиль твоей игры? Способен ли ты поставить на кон все, что имеешь, или даже больше? Или же ты из другого теста — комбинируешь аккуратно, рискуя лишь тем, что заранее отложено на игру?

И не надо забывать о важном нюансе: от выбора самой игры тоже немало зависит, а иногда и все. Что ты предпочтешь — покер или шахматы? Просто-

му наблюдателю, сложившему лапки, разница между ними не видна, но она шире любой из известных нам рек.

Возьмем шахматы или, например, преферанс. Это игры, построенные на жестких правилах. Здесь события развиваются в четко сформированной, досконально описанной вселенной и следуют неизменным законам. Здесь все решает умение. Более сильный, мастеровитый соперник всегда рано или поздно прикончит оппонента. Как бы сильно тому ни везло. Но и противника найти здесь непросто. Эти игры — удел интеллектуальной элиты, путь немногих. Если и занесет на эти поля самонадеянного выскочку, с ним расправятся в мгновение.

Вот покер — другое дело. Процент влияния удачи на результат серьезно возрастает. Эта игра по своей сути гораздо ближе к самой нашей жизни. Кроме удачи и мастерства, она добавляет элемент психологии и даже блефа, дает возможность заставить враг-сплох соперника нестандартным ходом, напугать его тем, чего у тебя на самом деле нет. Нельзя сказать, что в шахматах или преферансе такая возможность вовсе отсутствует. Просто применение такого приема, как блеф, в этих играх чаще всего заканчивается для блефующего плачевно.

Хотелось бы поделить все существующие игры на два лишь этих вида, но это было бы нечестно. К сожалению, есть еще одна игра, и последователь у нее гораздо больше, чем у всех остальных. Это, разумеется, рулетка. Здесь выигрыш может быть гораздо крупнее, стремительнее, а сама игра не требует от тебя практически никаких умений. Но и проигрыш тут фатален и рано или поздно необратим. Игра отчаянных лентяев, коих на свете, как известно, большинство. И если первые два вида игры дают тебе возможность осознать, что ты не тянешь, и всегда есть шанс вовремя отступить перед сильным противником, чтобы поднабраться умения и вернуться в игру позже, то здесь ты играешь только лишь с судьбой — пан или пропал.

Виктор Степанович Соколов предпочитал шахматы. И в парке на скамье, и в жизни. Играл в них при этом неважно и, как человек неглупый, это сознавал. Трезво оценивая свои способности, он всегда вовремя останавливался, уступая более искушенному сопернику. Куш не срывал, но и без штанов не оставался. Поэтому жизнь его не скатилась в тартары, хотя и звезд с неба он не сорвал.

Виктор Степанович проработал всю жизнь на родном комбинате и дослужился до должности главного инженера. Кроме того, он был хорошим педагогом и признанным изобретателем. Изобретателем с большой буквы «И», и если бы «играл» лучше, то достиг бы небывалой известности и богатства. Но встретились на его карьерном пути игроки посерьезнее. Его ученик и ныне главный акционер комбината Марк разменял пешку на ферзя: дал Соколову должность и приемлемую жизнь в обмен на его изобретения. Все патенты были оформлены на комбинат, то есть в итоге непосредственно на Марка. Зато у Соколова была вполне себе приличная трехкомнатная квартира в самом центре города, в сталинском доме и относительно достойная пенсия. Честно говоря, Виктор Степанович, несмотря на почтенный возраст, чувствовал еще в себе силы и желание работать дальше. Но ему так ловко объяснили, почему он должен уйти на покой, что он не стал долго сопротивляться и сдал очередную, не проигранную на самом деле партию. Сработала природная... не трусость, но осторожность, что-то вроде нежелания получить мат. К тому же он был из того рода-племени людей, что относятся к себе и своим способностям с определенной долей скептицизма. Иные принимают это за

скромность, но скорее это походит на неуверенность в себе, заниженную самооценку. В то же время он был настоящим тружеником, из числа тех, на чьих плечах строятся великие дела, но в распределении дивидендов эти люди никогда не принимают участия, уступая более наглым игрокам.

Таким образом, не старый еще ментально и физически изобретатель оказался на пенсии, дома, без какого-либо понимания, как ему жить дальше, во имя чего жить, в одной квартире с безработным сыном-переростком и его возлюбленной. Это было странное общежитие, в котором Соколов неожиданно почувствовал себя абсолютно чужеродным элементом. И дело было не в том, что его не любили. Но и не в том, что его любили. Дело было в том, что он им просто-напросто мешал. Появление Дианы в доме совпало с его выходом на пенсию, а пенсия, в свою очередь, повлекла за собой необратимые последствия: он перестал быть главным кормильцем в семье, человеком, который наполняет холодильник продуктами. Когда он лишился этого неубиваемого козыря, ему было сложно состязаться с Дианой, которая тащила теперь на себе весь дом. Наступил так называемый «переходный период», когда официально вожаком стаи является один, а на практике — другой.

Диана обладала двумя неоспоримыми преимуществами. Она была безумно активной и невероятно красивой особой. Даже у Соколова-старшего, который давно ушел из большого секса, перехватывало дыхание, когда это полногрудое чудо вливалось в их маленький мирок. Нельзя сказать, что она отвечала канонам мировых конкурсов красоты, но в ней, кроме тонкой талии и пышного бюста, было еще нечто весьма притягательное — негасимый огонь, деятельность, которая сразу заполняла собой и подчиняла себе любое пространство, где она появлялась. Она раздражала и вместе с тем восхищала. Каждый раз, глядя на нее, Виктор Степанович пытался постичь, почему из всего представленного на рынке ассортимента ее выбор пал именно на его отпрыска. Нет, разумеется, он любил своего сына и желал ему самой лучшей судьбы... Но он также прекрасно понимал, что Максим — далеко не подарок, на роль принца тянет с большой натяжкой. Безработный пессимист и циник, пустивший корни в диван, с вросшими, в свою очередь, в правую руку телевизионным пультом, а в левую — бутылкой пива.

Диана же была из тех, кому свистят бойкие кавказцы из мерседесов, начальники метят в любов-

ники, а молодые романтики готовы ради таких голов сложить.

И в то же самое время она была омерзительна. Прежде всего потому, что заняла в этом маленьком общежитии его законное место — место кормильца, лидера. Потому что забрала у него единственное оставшееся — его сына. Ровно в тот момент, когда у него появились время и возможности наконец им заняться, у него тут же эту привилегию отобрали. А он чувствовал в себе силы и решимость помочь Максиму, спасти его, вытащить из удушающих объятий дивана. Он осознал, что как игрок он не очень состоялся, но как тренер, пусть и с опозданием, не совсем потерян. Причем, как это нередко, а может, и всегда, случается, великолепный профессиональный педагог, любимец учеников и соседских детей не является отцом мечты в своей собственной семье. Именно так сложилось и в доме Соколовых. Чувство вины за это и желание реванша не покидали главу семейства, а вину за неудачи всегда хочется на кого-нибудь свалить. Теперь этим громоотводом стала Диана. Убери ее — и не обязательно, что все получилось бы и реванш состоялся бы, но винить ее было логичным спасательным кругом.

Это странное и неуютное сожительство продолжалось уже второй год. Все чаще в последнее время стала подниматься тема переезда. Причем переезда именно Соколова-старшего. При комбинате открылся «Дом Радости». Попросту говоря, дом престарелых. Туда отправляли доживать свой век наиболее заслуженных сотрудников предприятия, списанных в тираж, и других достойных городских пенсионеров. Разговоры о переселении в старческий рай начинались всегда издалека и сводились к одним и тем же предсказуемым тезисам: «Ну что, тебе трудно попросить Марка? Он для тебя все сделает!»; «Там ты не будешь одинок. Коллеги, сослуживцы...»; «Сидишь целыми днями дома! А там — досуг, кружки, концерты...».

Виктор Степанович, как уже говорилось выше, был далеко не дурак, все прекрасно понимал и долгими бессонными ночами честно старался прийти к решению, к которому его подталкивала молодежь. Но в то же самое время он не мог смириться с тремя вещами. С тем, что для него все закончилось. С тем, что он должен отказаться от квартиры — единственного осязаемого итога его жизни. И с тем, что он расстанется с сыном и лишится таким образом возможности, пусть и на

склоне лет, стать его наставником. Хотя он и старался для себя все выставить таким выгодным образом, что это он нужен сыну, глубоко внутри он осознавал, что сам в нем нуждается намного больше именно теперь.

Так и жили. В постоянном напряжении.

В поисках выхода из этой искрящей обстановки Соколов пытался найти себе применение. Он выходил из дома каждое утро так, словно ему необходимо было куда-то идти. Старался больше гулять, посещал парк, играл там с местными завсегдатаями в шахматы, но не получал от этого никакого удовольствия. Во-первых, потому что постоянно проигрывал. Во-вторых, потому что они все были какие-то... поношенные... потухшие. Ему казалось, что это передается воздушно-капельным путем, и он боялся заразиться старостью.

Этим утром он впервые за многие годы заглянул в храм. В поисках то ли ответа, то ли совета. Но не получил ни того ни другого. В храме было красиво и пусто. Догорали немногочисленные свечи. Со всем короткие огарки собирала звонко шаркающая старушка в грустном платочке, задувала и бросала в железное ведро. На Соколова она покосилась без одобрения, и тот поспешил ретироваться.